

Серебряного века Торжество

Бенефис

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН

Бенефис Никиты Долгушина, устроенный фирмой "Дубль В" на сцене Театра имени Евгения Вахтангова, стал бенефисом тонкой культуры, изысканной стилизации, искусной реставрации, казалось бы, стертых временем хореографических картин.

Боже мой, как просты, как наивны были танцы божественной Анны Павловой! Величавая плавность и лукавая "бисерность" русского танца, чудо расцветающего и закрывающего свои пышные лепестки калифорнийского мака, невесомая легкость шопеновского вальса, страстное томление ночи, озорной, кокетливый трепет стрекозиных крылышек и, наконец, жемчужное па-де-бурре печального лебедя. Никаких с трудом поддающихся расшифровке хореографических ребусов, никаких трюков, "гигантских шагов", двойных фуэте, шпагатов в воздухе — ничего из того арсенала, которым щеголяют современные балерины.

По-детски простодушные образы и настроения, совсем простые, зато лишенные напряжения, полные грации движения, но все исполнено поэзии, святой и наивной веры в красоту цветка, резво порхающей стрекозы, плавно плывущего лебедя. И такая же простодушная изобретательность в костюмах — пушисто оперенная лебединая пачка, алые, ловко закрывающиеся лепестки мака, бесчисленные, забавно дрожащие крылья стрекозы. Целое отделение посвящено воскрешению танцевальных фантазий несравненной Павловой. Современные виртуозки могут отнестись ко всему этому со снисходительной усмешкой, но как недостает многим из них этой поэтичности, наивности и веры, которые Станиславский почитал необходимыми для артистов любого вида театра.

Сергей Эйзенштейн называл балет "стыдливым цирком", делая исключение едва ли не для одной Улановой. В наши дни балет часто становится уже "бесстыдным цирком", и потому так важны, так поучительны уроки, преподанные на вечере санкт-петербургской труппы "Римский-Корсаков".

Спортивные рекорды, лишённые всякого смысла, чувства стиля, когда "Шопениану" танцуют точно так же, как "Дон Кихота", а "Дон Кихот" — как "Лебединое озеро", способны погубить живую душу балета. "Триумфы" лихой, наглой бравады приводят к тому, что движения гимнасток кажутся более грациозными, чем усилия некоторых балерин.

И вот скромная труппа, руководимая Н. Долгушиным, предлагает плод тщательного изучения, постижения сложной и далекой от нас стилистики, показывает, как простыми средствами можно добиться богатой, праздничной зрелищности балетного спектакля.

В коллективе нет блестящих виртуозов, не все исполнители обладают идеальными данными, но нельзя не порадоваться их искренней влюбленности в то, что они делают, их способности понимать самые тонкие нюансы стиля, ощущать природу и цельность того или иного хореографического произведения. Недаром они были награждены аплодисментами не менее горячими, чем те, которыми сопровождают самые замысловатые балетные рекорды и трюки. Успех вечера был успехом вкуса, культуры, стиля — и это

отрадно, ибо доказывает, что публика всегда способна оценить аромат искусства, танцевальной тонкости, а не только танцевального эффекта.

Долгушин и его молодые соратники возвращают к жизни, бережно реконструируют хореографию М. Фокина, В. Нижинского, А. Павловой, а также декорации и костюмы А. Бенау, Л. Бакста, А. Павловой. И делают это убежденно и убедительно прежде всего потому, что во всем ощущаются их чувство ответственности, бережность, преклонение перед шедеврами прошлого. Неудивительно, что такой коллектив с такими задачами родился именно в Петербурге, городе, который издавна славился своими театральными стилизациями, — "Дон Жуан" и "Стойкий принц" Вс. Мейерхольда, "Старинный театр", античные мотивы в балетах М. Фокина и многое другое.

Актеры труппы Н. Долгушина не пытаются соревноваться с легендарными первыми исполнителями знаменитых в свое время балетов, но ими донесен и легкий, дурманящий аромат "Призрака розы", и галантно-манерная вакханалия, чопорно-учтивый шабаш "Павильона Армиды", праздничный маскарад фикжм, мушек, лент и пышных перьев. А в "Послеполуденном отдыхе Фавна" порывистые движения стайки пугливых нимф и чеканная точность, абсолютная законченность позировок Фавна-Долгушина передают ощущение только что пробужденного, робкого и в то же время острого вождения, которым проникнут этот пластический эскиз В. Нижинского.

В заключение вечера Долгушин танцевал номер на музыку Малера, продемонстрировав прекрасную форму, красоту удлиненных линий, редкую четкость и выразительность поз, а главное — почти благоговейную внутреннюю наполненность, душевную самоуглубленность, при которой танец становится священным ритуалом, молитвой, исповедью возвышенного духа.

Творческий вечер Долгушина стал проявлением, может быть, неосознанной оппозиции по отношению к бездуховности, к стилистической невежественности нашего современного балетного театра, явился актом своеобразной и серьезной миссии искусства. Не случайно, что эту миссию взял на себя Долгушин, что именно он напомнил о культуре, о стиле балетного действия. Он сам был мастером танцевальной стилизации, танцовщиком утонченной, аристократической манеры. Именно поэтому в его судьбе были моменты весьма тяжелые, когда он оказывался ненужным не только в силу театральных интриг и человеческих предательств, но и в силу своего несоответствия требованиям времени, выдвигавшего танцоров напористой динамики и силы, представитель так называемого героического амплуа. Изыски и тонкости были не в чести, и Долгушин оказывался за бортом ведущих театров. Но в конце концов талант и культура Артиста восторжествовали и в его карьере танцовщика, и сейчас, в избранной им миссии благородного хореографического просветительства.

Кудрявцева. — 1995. — 28 июля (№ 28). — с. 9.